

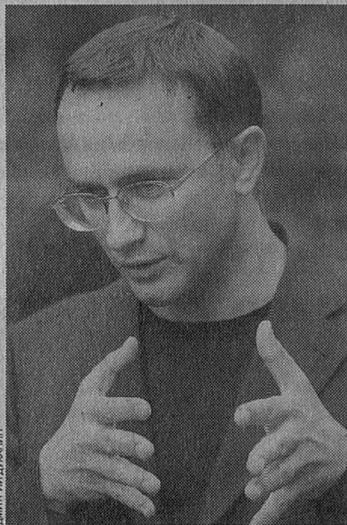
Андрей Звягинцев: этот фильм не для американской публики

Коммерсантъ. 2003. - 4 окт. - с. 9.

С режиссером фильма «Возвращение» **АНДРЕЕМ ЗВЯГИНЦЕВЫМ** встретился корреспондент „Ъ“ **АЛЕКСЕЙ КАРАХАН**. Разговор состоялся за несколько часов до того, как стали известны результаты заседания оscarовского комитета.

— Вам удалось реализовать мечту миллионов людей. Совсем недавно вас никто не знал, а в один прекрасный вечер вы оказались богатым и знаменитым. Не знаю, как богатым, но знаменитым уж точно. Как вы себя теперь ощущаете?

— Богатым я пока не стал, но богатое стало точно. Знаменитым? Мне трудно пока об этом подумать. Когда человек вовлечен в происходящее, он не в состоянии это объективно оценивать. В том бешеном ритме, в котором я живу, у меня почти нет времени, чтобы подумать над происходящим. Я не в состоянии оценить, что я приобрел, что потерял, как моя жизнь изменилась. Пока я только ощущаю, что она изменилась. И мне кажется, что в лучшую сторону, хотя это может быть заблуждение, потому что если сравнивать жизнь, которой я жил, то она лично мне ближе, чем то, как я живу сейчас. Раньше я мог сам определять свой жизненный ритм. Я мог определять, встречаюсь я сегодня с кем-то или нет, нужно мне

ДМИТРИЙ ДУЖАГИН

сегодня дома остаться или нет, я мог спокойно залечь на три-четыре дня читать и вообще никуда не вылезать. Теперь все по-другому. — **Вы просто были частной, а теперь стали общественной фигурой.**

— Ну, да, да. Это и есть та оборотная непривлекательная сторона доставшейся мне медали. Пока все еще не совсем так драматично, как я рассказываю, но, проецируя ситуацию на будущее, я вижу, что это может помешать мне быть самим собой, быть тем, кто я есть. По этому поводу мне очень нравится пример из физики. Есть закон: наблюдение за электроном меняет траекторию. Уже одно само наблюдение ученого в микроскоп меняет траек-

торию электронов. И мне пока еще сложно понять, какой нужно обладать силой воли, каким прайвильным пофигизмом, какой силой сосредоточенности, чтобы суметь не отклониться от курса, не поменять траекторию.

— **Наверное, любой автор смотрит на то, что он делает, с критической позиции, ему что-то нравится, а что-то нет. После победы вы изменили свое отношение к фильму?**

— У меня был период, когда я воспринимал фильм как полное поражение. Я не понимал вообще, что я сделал, я думал, что это все плохо и скучно. Мне стало так казаться перед озвучиванием. И я решил показать материал продюсеру картины Дмитрию Лесневскому, чтобы убедиться, что все нормально. Я показал фильм в черновом варианте, и он так на него отреагировал, что я воспрял духом. Он сказал: «Старик, все нормально». После этого я успокоился и пошел на озвучивание уже с легким сердцем. Есть в фильме некоторые моменты, которые меня смущают, то есть критический анализ есть. Но он протекает подспудно, у меня сейчас нет на него времени. Я все время сейчас трачу на бла-бла-бла, которым мы сейчас с вами занимаемся. Уж извините, что я так говорю.

— **Да все нормально.**

— Поймите, у меня ведь правда на это уходит все мое время. Но я на-

деюсь, что момент отстранения и взгляда со стороны еще предстоит. Ведь я не смотрю на этих двух львов как на окончательный приговор фильму. Другой вопрос, что я пока не слышу критики взвешенной, разумной, глубокой, культурной. Ничего подобного я не читал. Я вижу, что вещи, которые для меня в фильме очевидны, люди не увидели совсем, не заметили этого. Я не говорю о людях вообще, я говорю о критиках, о тех, кто призван раскрывать зрителю путь к фильму. Для меня это просто поразительное открытие. Хотя я не знаю, жду ли я такого анализа, скорее уже не жду. Сейчас я не вижу смысла вступать в какие-то дискуссии с кем-то и вряд ли буду. Кто что думает, тот пусть то и думает. Нужно идти дальше, искать новый замысел и с головой уходить в него.

— **Многие режиссеры считают, что второй фильм психологически снимать гораздо сложнее. А для вас это, наверное, будет вдвойне сложно?**

— Может быть. Эти мысли нужно поварить в себе некоторое время, а потом забыть о них, выкинуть из головы. Когда ты берешься за дело с бременем ответственности, почти наверняка ты его провалишь. Другими словами, нужно что? Либо не делать ничего, либо если делать, то забыть о всякой ответственности. Просто изъять ее из головы, я не знаю,

как это сделать, просто нужно сделать и отнестись к новой работе максимально легко. В театре есть закон, второй спектакль всегда провальный. Не второй, сделанный режиссером, а вот тот, который бывает после премьеры. Даже если первый показ успешный, второй всегда бывает провальный. Таков закон расположения энергии в мире, что следующее всегда что-то ущербное, где не достает энергии первого шага.

— **Часто, чтобы избавиться от комплекса второго фильма, режиссеры снимают что-то совершенно другое. Может быть, вам теперь снять боевик или комедию?**

— Может быть. Но я не очень чувствую, как делать комедии. Подняться до высот «Джентльменов удачи» или «Бриллиантовой руки» мне вряд ли удастся. Кроме того, я не знаю, есть ли такие сценаристы, которые могут написать такие истории. Те комедийные сценарии, которые мне предлагали, оказались довольно средненькими. Хотя я не зарекаюсь от массового кино.

— **Многие считают, что теперь именно «Возвращение» будет выдвинуто на «Оскара», как вы к этому относитесь?**

— Я никогда не ставил перед собой задачу победить в Венеции, получить «Оскар», у меня таких целей нет. Мало того, я отчетливо

осознаю, что если мне придет это в голову, значит, надо просто побашке себя ударить. Очнись, приди в себя и занимайся делом, а не премиями. Поэтому во всех смыслах вот это выдвижение на «Оскар» мне лично ничего не дает, только лишние какие-то переживания. Если фильм не победит, опять начнется шумиха и многие начнут твердить, что фильм никуда не годится. А если он, не дай Бог, победит, так тоже непонятно, что с этим делать.

— **А как вам кажется, американцам безотносительно «Оскара» вообще понравится «Возвращение»?**

— Я в этом сомневаюсь. Американцы по-другому смотрят на вещи. Этот фильм не для американской публики. Он для нее слишком медленный. В нем слишком мало событий для американского мировоззрения. Американцы слишком натасканы на блокбастерах, экшнах, на событиях, на Шварценеггах. Тонкая прослойка, может быть, обратит на него внимание, но приговор будут выносить другие люди, так мне кажется. На самом деле я действительно не знаю, как там все устроено. И до сих пор не знаю, как все устроено на фестивалях. Я бы хотел думать, что фестивали призваны заниматься поиском нового киноязыка. Хотя возможно, что это всего лишь мое предположение и я ошибаюсь.